

СОДЕРЖАНИЕ

РОТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

5

НЕ ПЛАЧЬ, ОРЧАНКА!

369

РОТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

1

Дом был старым. Шиферная крыша, почерневшая от грибка, облупившаяся краска на дощатой обшивке стен, покосившиеся забор и ворота... Я сверился с документом. Табличка с номером на стене дома подтвердила, что адрес тот. Я конечно же не рассчитывал на дворец, но действительность оказалась мрачнее. Наследство! Не с нашим счастьем...

Я достал ключи, врученные нотариусом, выбрал нужный и снял замок с калитки. Взялся за ручку. Калитка еле поддалась. Я нажал сильнее; калитка поползла, неохотно открывая проход. Глянув внутрь, я понял причину. Трава во дворе стояла стеной. С улицы траву кто-то обкосил, внутрь давно не заглядывали.

Прокладывая тропу в зарослях, я прошел к дому, открыл еще один замок и вошел внутрь. Интерьер глаз не порадовал. Веранда, она же кухня, газовая плита с большим баллоном, стол и табуретка. В самом доме обнаружили две комнаты: гостиная и спальня за дощатой перегородкой. Из мебели имелись стол, буфет и два стула в гостиной, в спальне — железная кровать с никелированными шарами на спинках (не знал, что такие еще сохранились!), шкаф производства пятидесятих годов прошлого века и еще один стул. Тусклые, выцветшие обои на стенах, потолок, подшитый ДВП и крашенный масляной краской. Ни щета, даже не замаскированная.

Я бросил сумку на стул и вышел во двор. В сарае обнаружился верстак с тисками и инструментами. Удивительно, но их не растащили. Здесь же нашлась коса — с заржавленным полотном, но вполне исправная, даже с оттянутым лезвием. Я забил плотнее клин между пяткой и косовищем, поправил

лезвие и вышел двор. В колодец двора, образованный строениями, солнце не попадало, трава сохранила влагу. Срезанная косой, она ложилась в ровные, тугие валки. Покончив с двором, я перебрался в огород. Бурьян здесь стоял в рост человека, но не слишком густо — в прошлом году землю пахали. Коса резала траву исправно, я увлекся и забыл о времени. Закончив, забросил косу на плечо и, довольный, направился к дому.

...Старуха стояла во дворе и смотрела на меня, как Мюллер на Штирлица. Или как Штирлиц на Мюллера — это кому как больше нравится. От неожиданности я споткнулся и снял косу с плеча. Под пристальным взглядом прислонил ее к стене сарая.

— Ты кто? — спросила старуха голосом прокурора.

— Илья! — раскололся я.

— Что делаешь?

— Траву кошу.

— По какому праву?

— Ну... — замялся я и, подумав, сказал робко: — Это теперь мой дом.

— Документы! — железным голосом потребовал прокурор.

Я вынес паспорт и свидетельство о наследстве. Старуха изучила паспорт, тщательно сверила фото с оригиналом, затем рассмотрела свидетельство.

— Ты и есть племянник? — спросила уже мягче.

— Двоюродный! — уточнил я.

— Здоровенный какой! — вздохнула она и вернула документы. — Давно приехал?

— Сегодня.

— На могилке был?

«Не знаю, где она!» — хотел я ответить, но не решился. Взгляд старухи не сулил доброго. Я вздохнул и покачал головой.

— Идем! — приказала она.

Я сунул документы в карман и запер дверь. Мы шли по улице, размытой летним дождем; старуха семенила рядом, то отставая, то забегавая вперед. Лужи она осторожно обходила. Я украдкой разглядывал гостью. На ней был ситцевый халат не первой свежести и растоптанные тапки с задником. Серые от седины волосы стянуты в пучок резинкой на затылке. Гостья оказалась

не такой старой, как показалось вначале, — лет шестидесяти. Одутловатое лицо, усеянное родинками, сизоватый крупный нос, поджатые губы...

— Простите! — сказал я. — Вас как зовут?

— Глафира! — сообщила она и, подумав, добавила: — Семеновна!

— Дяде вы кто?

— Соседка!

На моем лице, видимо, отразились чувства, потому что Глафира обиделась.

— Да я, если хочешь знать!.. С Павловичем!.. Душа в душу! Сорок лет! Это он мне за домом велел присматривать!

— Извините, Глафира Семеновна! — сказал я искренне. За домом, как я убедился, смотрели истоиво.

— Пришли! — сообщила она, показывая рукой. — Кладбище!

Мы миновали калитку и стали пробираться меж могил. Они располагались тесно, едва не смыкаясь оградами. На кладбище, как я заметил, упокоились многие поколения горожан: могилы со стороны входа, были с коваными оградами и такими же крестами, явно вековой и более давности. Затем шли оградки из арматуры с памятниками из мраморной крошки или крестами из водопроводных труб. И только в дальнем конце стояли косяшки «габбро», обрамленные столбиками с цепями. Глафира подвела меня к холмику в углу.

— Вот! — сказала она, всхлипнув. — Встречай, Павлович, племянника!

Павловича передо мной не было. А был песчаный холмик, деревянный крест с табличкой и букетик искусственных цветов, воткнутый прямо в песок. Букетик был свежим, видать с недавней Радуницы. Глафира нагнулась и стала собирать с могилки обломки веток, налетевшие со старых лип. Затем извлекла откуда-то обгрызенный веник и стала мести вокруг холмика. Словом, делала то, чем обычно занимаются люди на могилах, чтоб как-то скрасить вину перед покойным: он уже там, а ты, деливший с ним дни и годы, еще задержался. С человеком, лежавшим под деревянным крестом, я ничего не делил, я даже не видел его никогда, потому вины не испытывал. Родственнику

вздумалось завещать мне дом; спасибо, но я не просил. Что до наследства... Даренному коню в зубы не смотрят.

Глафира закончила с уборкой, перекрестилась и поклонилась кресту. Я последовал ее примеру. Приличия надо соблюдать: о мертвых или хорошо или ничего.

Глафира выжидающе смотрела на меня.

— Помянем раба божьего? — спросил я.

— Это как водится! — ответила она и взяла меня под руку.

Обратный путь мы преодолели быстрее. В доме Глафира уселась за стол, я достал из сумки бутылку водки, хлеб и нарезанную ветчину в вакуумной упаковке — все купленное в местном гастрономе.

— Богато живешь! — сказала Глафира, разглядывая нарезку. — Где работаешь?

— В фирме, — соврал я.

— Кем?

— Юристом.

— У-у-у... — протянула она. В представлении Глафиры юрист, наверное, был чем-то вроде олигарха. А вот Светка сразу сообразила. «Офисный планктон! — хмыкнула она и добавила: — Большой такой планктонище...»

В буфете нашлись тарелки, вилки и стаканы. Я разлил, и мы выпили не чокаясь. Глафира пила водку, не морщась — привычно.

— Хороший человек был Павлович, — начала она, и я тоскливо приготовился слушать. — Уважительный!

Сколько бывал на похоронах, ни разу не слышал, чтоб о покойниках говорили плохо. Вокруг полно людей злых и непорядочных, подлецов и распутников, пьяниц и домашних тиранов. Умирая, люди теряют дурные свойства, наверное, из-за невозможности их более проявить.

— Слова плохого никому не сказал! Попросишь — никогда не откажет! Забор починить или денег занять, — перечисляла Глафира.

— У него были дети? — перебил я. Наличие других наследников могло создать проблемы.

— Он и женат-то не был! — успокоила Глафира. — Всю жизнь один как перст. Хотя женщины им интересовались,

и очень хорошие женщины! — подняла палец соседка. Я понял, кто входил в число «хороших». — Отчего ж нет? Человек тихий, порядочный, непьющий и должность хорошая — бухгалтер. Я его, бывало, спрашиваю: «Что ж, Павлович, не женишься? Скучно ведь одному?!» «Я тишину люблю! — отвечает. — А женщины — существа шумные». Сказать по правде, было у него здесь, — Глафира повертела пальцем у виска. — Всю зарплату на книжки изводил. В область за ними ездил. Бывало, встречаю, а у него полная сумка. Довольный, улыбается. «Глянь, — говорит, — Глаша, какие достал!» — и показывает. Смотрю: «Металлургия»! Зачем, спрашивается, бухгалтеру металлургия?

Я оглянулся по сторонам. Никаких книг в доме не наблюдалось.

— Вот и я спрашивала: «Где ж книги? Все тащишь и тащишь, а в доме пусто». «Я, — отвечает, — их хорошим людям отдал. Им нужнее». Спрашивается, зачем покупать, чтоб после отдать? Со странностью он был, но добрый. Меня жалел, как муж помер, денег давал... — Глафира всхлипнула.

Я разлил остатки водки по стаканам. Глафира махнула свой и закусила ломтиком ветчины.

— Как в больницу собрался, позвал меня, — сказала со вздохом. — Дал денег и говорит: «Если не вернусь, сделай все по-людски! Отпевание, похороны, поминки — чтоб слова худого не сказали!» Велел за домом присматривать, обнял меня, поцеловал на прощание... — Глафира снова всхлипнула. — Я все сделала, как он велел! Если б знала твой адрес, непременно б телеграмму дала! Ты не в обиде?

Я покрутил головой.

— И вот еще... — Глафира перестала плакать, взгляд ее стал тревожным. — Павлович сказал, что могу взять из дома, что захочу. Я телевизор с холодильником забрала. Они старые — таких давно не делают. Ты — богатый, новые купишь, а мне в память...

Я кивнул, подтверждая, что не в претензии.

— Пойду! — Глафира тяжело поднялась со стула.

— Вы не знаете, — спросил я, — почему он завещал дом мне?

— Наверное, некому более, — предположила соседка. — Я не знала, что он подписал дом, нотариус объявил. Павлович ему приказал так сделать, заплатил за розыск наследника. Предусмотрительный был человек, умный...

Я проводил Глафиру до ворот, вернулся в дом и распаковал сумку. Развесив одежду по спинкам стульев, достал запечатанный конверт: нотариус вручил его вместе со свидетельством. Читать наставления покойного мне не хотелось, и я бросил конверт на стол. В веранде обнаружилось ведро, я набрал воды в колонке, умылся и почистил зубы. Хотелось спать. Я встал рано, трясся в автобусе, полдня ушло на бумажные дела. А тут еще соседка...

В шкафу обнаружилось постельное белье, с виду чистое, я застелил постель и собирался прилечь, но все же, мучимый совестью, вернулся к столу. Последний долг покойному следовало отдать. В тусклом свете маломощной лампочки конверт выглядел непритязательно: тонкий, потертый. Я оторвал полоску сбоку, достал сложенный листок бумаги, развернул. На листке было только одно слово: «Ищи!»

«Ветра в поле! — подумал я, бросая листок на сто. — Ищите и обряцете!» Глафира была права насчет странностей...

Я провалился в сон, и мне привиделась Светка. Обнаженная, с дерзко торчащими сосками маленькой груди, она тянула ко мне руки и зазывно улыбалась. Худшего окончания тяжело дня и придумать было трудно...

* * *

Проснулся я на рассвете и некоторое время лежал, прислушиваясь. Было непривычно тихо — до глухоты в ушах. В большом городе я отвык от тишины. Там постоянно что-то шумело, если не машины под окном, то соседи сверху или вода в трубах... Вставать мне не хотелось, жить — тоже. Светка мучила меня всю ночь. Приходила, садилась на край койки, и, улыбаясь, расстегивала блузку. Я протягивал руки, но она отодвигалась, грозя мне пальцем. Я пытался встать, но тело не подчинилось. От горечи я заплакал.

— Пожалуйста! — попросил я. — Не мучь меня больше! У меня нет сил!

— Ты сам не отпускаешь меня! — возразила она.
— Я тебя люблю!
— Я знаю, — вздохнула она. — Я тебя тоже люблю. Но меня больше нет, а ты страдаешь.
— Как же мне быть?
— Не держись за меня! — сказала она. — Забудь! Это единственный выход.
— Ты не обидишься?
— Мне здесь хорошо! — возразила она. — Немножко не хватает тебя, но это временно — я еще не привыкла. Придет время, и ты поймешь. Но это будет не скоро, тебе еще долго.
— Я могу ускорить.
— Глупый! — она наклонилась и коснулась губами моих глаз. — Какой же ты глупый! Я тебе ускорю! Разлучишь нас навсегда! Живи, любимый! Я тебя очень прошу!

...Мы познакомились на пляже. Стояла жара, весь город устремился к реке, и пляж был полон. Я отыскал свободное местечко и почти сразу заметил девочку, лежавшую рядом. На пляж я пришел купаться, а не за клубничкой, но Светку не заметить было нельзя. У нее были милое личико, тоненькая фигурка и голубые глаза. Цвет глаз я разглядел позже, поскольку в тот момент их скрывали солнцезащитные очки, вдобавок она лежала, уткнувшись в книгу.

— Присмотрите? — спросил я, сбросив одежду.

Она кивнула, не отрываясь от чтения. Я залез в реку, с удовольствием поплавал и понырял, доставая дно, и, довольный, вылез на берег. Я пробирался среди распластанных на песке тел, стараясь не наступить на чью-либо руку или ногу, поэтому смотрел вниз. А когда поднял голову...

Жара в тот год выпала на день ВДВ. Центр города заполнили парни в голубых беретах и тельняшках; а также ОМОН, предвкушавший пьяные разборки. Кто знал, что десантура попрется на пляж? Обычно она плещется в фонтанах, но в этот раз или фонтанов не хватило, или парней потянуло на простор. Эти четверо вломились на пляж и с ходу заметили Светку — ей, как и мне, не хватило места у воды, мы расположились у самого входа. К моему появлению сцена обольщения была в самом

разгаре: один голубой берет держал Светку, второй стаскивал с нее плавки, остальные двое комментировали процесс. Светка извивалась, брыкалась, звала на помощь, но на некогда переполненном пляже образовалась пустота.

— Мужики! — сказал я десантуре как можно миролюбиво. — Это моя девчонка.

— Ну и вали нах! — посоветовал один из комментаторов.

— Отпустите! — попросил я. — Нехорошо обижать маленьких!

— Тебе же сказали валить! — окрысился комментатор. — Чё непонятного, чмо? Объяснить? — он встал и замахнулся.

Он еще падал, когда я двинул по шее того, кто держал Светку. Десантник разжал руки и сел на песок. Любитель женских плавков получил коленом в подбородок и грохнулся на спину. Я вернул плавки на место и оттолкнул Светку в сторону: десантура, опомнившись, пошла в бой.

Трезвые, они б смололи меня в фарш — ВДВ есть ВДВ, своих они дружат не по-детски — приходилось видеть. Однако перед пляжем ребята посидели — и хорошо, потому двигались медленно, замахивались широко. Все равно мне пришлось туго. Они вцепились в меня, как лайки в медведя: стоило одному упасть, как на его месте возникал следующий. Алкоголь сделал их нечувствительными к боли; удар, который отключил бы трезвого, пьяного лишь притормаживал. Я сбил костяшки пальцев на правой руке, мне рассадили скулу и навешали синяков, я устал и стал оглядываться, прикидывая, куда бежать. Светки поблизости не было, а судьба прочих отдыхающих меня не волновала.

К счастью, день ВДВ праздновали не только десантники. 2 августа полиция в России стоит на ушах, потому найти ее легко. Светка нашла. Набежавший ОМОН упаковал обидчиков, а заодно и меня — до выяснения обстоятельств...

В обезьяннике я просидел недолго — часа полтора. Меня отвели в кабинет, где за столом, заваленным бумагами, восседал моложавый майор и читал составленный дежурным протокол.

— Так! — сказал он, поднимая глаза на меня. — Хулиганим, значит?

— Защищаем граждан! — возразил я.

— Знаем мы таких защитников! — хмыкнул майор. — Присаживайся!

Я подчинился. Майор отложил протокол, взял лежавший перед ним бумажник и стал его потрошить. Бумажник был мой. Извлеченные на свет божий документы, деньги и прочее майор раскладывал перед собой. Затем взял паспорт, полистал и улыбнулся:

— С днем рождения, Илья Степанович!

— Спасибо! — сказал я, трогая скулу. — Уже отметил.

— Четырех десантников уложил! — заметил майор. — Хорошо повеселился!

— Они были пьяные, — уточнил я.

— А вот мои парни еле справились! — возразил майор. — Не скромничай! — он взял извлеченную из бумажника фотографию, разглядел, затем показал мне: — Ты где?

— Крайний справа.

— Ага! — сказал майор. — Краповый берет! Суду все ясно. А вот это орден Мужества?

Я подтвердил.

— Крап твой или прибаракхлился?

Я только хмыкнул. Попробовал бы кто надеть крап не по заслугам! Убить не убили бы, но здоровье подпортили б.

— Сдал испытания с первого раза? — продолжал майор.

— Вообще не сдал! В последнем бою вырубил.

Это было правдой. В финале испытаний претендентов на краповый берет ждет самое трудное: четыре рукопашных боя подряд — и каждый со свежим «краповиком». Выдержать их невероятно трудно. Потому существует негласное правило: претендента бить, но не мочить. Висюков меня мочил: он поклялся, что я не получу берет, и слово сдержал. Не любил он меня...

— Откуда крап? — не отставал майор.

— Совет краповых беретов постановил выдать. В связи с невозможностью сдать испытания из-за полученного ранения.

— Понятно, — сказал майор и стал запихивать бумаги обратно. — Я вот дважды сдавал, и оба раза неудачно. Одного не пойму: почему такой парень, как ты, вместо того, чтоб служить у нас, сидит в занюханной конторе? Много платят?

— Если бы!

— Тогда в чем вопрос? Ты же дипломированный юрист, стал бы лейтенантом! Сразу!

— Уже предлагали! — буркнул я. Майор стал меня раздражать.

— Ладно! — он протянул бумажник. — Свободен!

Я взял и пошел к двери.

— Эй, прапорщик! — окликнул он.

Я оглянулся.

— Орден хоть не пропил?

— Нет! — ответил я. — Лежит в тумбочке.

— Ордена носить надо, а не складывать в тумбочки! — буркнул он. — Иди!

...Светка ждала меня снаружи.

— Что так долго? — спросила сердито.

— Устанавливали личность, — пояснил я.

— Лучше б людей от хулиганов охраняли! — она шагнула ближе и потрогала ссадину на моей скуле. — Больно?

— Терпимо, — сказал я.

— Далек живешь?

— Две остановки.

— Вот и хорошо! — улыбнулась она. — А то моя общага на краю города.

Я смотрел недоуменно.

— Тебя ж лечить надо! — пояснила она и вдруг насупилась: — Или нет?

— Надо! — подтвердил я торопливо. — Очень надо!

— Идем! — она взяла меня под руку.

Назавтра я перевез ее к себе. Мне понравилось быть пациентом, а ей — доктором. Через месяц мы отнесли заявление в загс и стали готовиться к семейной жизни. Стипендии студентки и зарплаты юриста — офисного планктона было мало-вато, я стал подрабатывать вечерами. Потому не сопровождал ее к вокзалу: Светка ехала повидать отца. Поезд отходил поздно, она вышла на остановку и стала ждать автобус. Она не заметила джип, мчавшийся по встречной, она смотрела в другую сторону. У обдолбанной суки, сидевшей за рулем, отказали мозги, она крутанула руль, джип вильнул влево и влетел в остановку.

Никелированным кенгурятником джип, как танк, снес ограждение и единственную пассажирку. Света умерла мгновенно, она, наверное, даже испугаться не успела...

Виновную искать не пришлось — она отключилась прямо в машине. В ходе разбирательства выяснилось: дочь местного олигарха. Дело с ходу попытались замять, но не вышло. Кто-то (тогда я не знал, кто) вывесил историю на популярном форуме — с подробностями и фото. Поднялся шум, подключилась пресса — суд состоялся. Только то, что не смогли связи, сделали деньги и ушлый адвокат. Меня не признали участником процесса, как я ни умолял. Мы ведь не успели со Светой расписаться. Потерпевшим определили отца Светки, а с ним адвокат поговорил... Убедить алкоголика не трудно — это вопрос денег, причем не слишком больших. Я умолял Светкиного отца, но на суде он заявил, что претензий не имеет. Прокурор тут же попросил для виновной два года колонии, судья с ним согласился, добавив к сроку «условно». Ликующая родня увела осужденную, я вышел на улицу и закурил. С третьей попытки — руки дрожали. В этот момент меня тронули за плечо. Это был знакомый майор.

— Теперь ты понимаешь, почему я не с вами? — спросил я.

— Знал бы ты, чего стоил этот суд! — вздохнул он. — Дело дважды закрывали. Если б не интернет...

— Ваша работа?

Он кивнул.

— Если б за рулем был мужик... — начал я.

— Он не дожил бы до суда! Знаю! — сказал он. — И очень рад, что оказалась баба. Мотать срок из-за всякой падали? Этой суке недолго осталось — сидит на игле. Пытались лечить — бесполезно. Тюрьма могла ее спасти — там нет наркоты. Они перехитрили сами себя. Суд не наказал — Бог накажет. Сдохнет, причем скоро! Если тебя это утешит...

— Не утешит! — сказал я.

Я не врал: меня не утешил бы даже расстрел. Вернуть Свету он не мог. Мы с ней как-то мгновенно срослись. Она любила меня поддразнивать, называла «офисным планктоном», я делал вид, что сержусь, хотя на самом деле просто млел. Нас ждало простое, непритязательное счастье: работа, много работы,

ипотека, дети, строгая экономия, но это мало значило по сравнению с тем, что мы были вместе. Смерть оторвала ее от меня — с мясом. Я не мог работать в полную силу — и меня уволили. Платить за квартиру стало не по карману, и я перебрался в угол для гастарбайтеров. Я помогал им на стройке — бесплатно не кормили. Деньги таяли, я стал продавать вещи. Мне нужно было дождаться суда. Сначала я продал машину. Много за нее не дали — слишком старая. Пришлось продать и ноутбук. Получив письмо нотариуса, я продал сотовый — последнюю ценную вещь, что у меня оставалась. Вырученных денег хватило на билет, госпошлину и немудреную еду. Глафира зря считала меня богатым. У меня был только этот дом, который следовало немедленно сбыть с рук. Я понимал, что дом в райцентре не стоит дорого, тем более такой, но что-то он все же стоил. На билет в один конец — куда-нибудь подальше, должно хватить.

Я встал, вышел во двор и, вдыхая запах вянущей травы, отжался сто раз. Затем умылся и доел остатки вчерашнего ужина. Разжился тряпками и стал наводить в доме предпродажную подготовку. Помыв окна, я протер мебель и только после заметил в углу икону. Не Николая-чудотворца или Богородицу — привычные домашние образа, а Спаса Нерукотворного. Я не религиозный человек, но Бога следует уважать. В горах мы часто его вспоминали...

Я притащил стул, встал на него и стал протирать образ. Нижним концом он опирался на гвоздь, от неловкого движения икона соскочила и повисла на веревочке. Что-то выскользнуло из-под нее и шмякнулось на пол. Я соскочил и поднял. Это был сверток цилиндрической формы, запакованный в бумагу с красной полосой. Обертку вдобавок заклеили. Я надорвал бумагу — в ладонь скользнули желтые монеты. Я поднес одну к глазам. В центре желтого кружка красовался двуглавый орел, но не современный российский, а царский. Ниже шла надпись: «10 рублей 2000 г.». Я перевернул монету. Незнакомый, одутловатый профиль немолодого человека красовался в центре, по кругу шла надпись старинным, витиеватым шрифтом: «Алексей II император и самодержец Новой России». Я ссыпал монеты в карман и разгладил сорванную обертку. Тем же витиева-

тым шрифтом на ней было напечатано: «Государственный банк Новой России».

— М-да! — пробормотал я, опускаясь на стул. — Ищите и обрящите! Что бы это значило, дядя, не скажешь?

Дядя мне ничего не ответил.

2.

Скупка золота в райцентре имелась, но эту мысль я отверг. Люди в провинции просты и непосредственны, известие о золотых россыпях, обнаруженных в старом доме, распространилось бы немедленно. Меня ждал наплыв асоциальных личностей, выяснение отношений, мордобой и следствие. Я одолжил у Глафиры денег и отправился в область. Уговорить Глафиру стоило труда. Старуха смотрела подозрительно, и деньги дала под залог ордена.

— Он стоит две тысячи? — спросила, вертя в руках награду.

— Больше! — заверил я. — Коллекционеры с руками оторвут!

— Где ж я найду твоих коллекционеров?

— Так в каждой газете объявления!

К счастью, у Глафиры имелась местная газетка, а в ней стандартная реклама: «Покупаю ордена, медали и другие награды...» Старуха успокоилась и вынесла деньги.

В поездку я взял документы. Паспорт — само собой, но еще и свидетельство о наследстве. Существовала возможность, что монеты не золотые; в этом случае реакцию скупщика просчитать не трудно: отмазка не помешает.

В город я приехал к обеду. Позавчера я покинул его, думая, что навсегда; оказалось, что зря. Скупки у вокзала я оставил без внимания и отправился в центр. На привокзальной площади много глаз, и глаза эти не всегда были добрыми. Шагая по проспекту, я заметил вывеску «Ломбард», и подошел ближе. Золото здесь скупали, о чем говорило объявление на стекле. Я заглянул в витрину — посетителей не наблюдалось. Я толкнул дверь. Скучавший за прилавком клерк поднял голову.

— Вот! — я положил на стойку монету.